

Эдвард Бис

Путеводная

Эдвард Бис

Путеводная

«Издательские решения»

Бис Э.

Путеводная / Э. Бис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851379-4

Путеводная — сила указывающая жизненный путь и определяющая деятельность. Сила ведущая, руководящая и направляющая. Она же — влекущая к неизведанному и нагнетающая страсти.

ISBN 978-5-44-851379-4

© Бис Э.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Путеводная

Эдвард Бис

© Эдвард Бис, 2017

ISBN 978-5-4485-1379-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Путеводная влечений

Впечатления... Впечатление – это чувственный эффект, в погоне за которым люди путешествуют по свету и едут отдыхать за границу. Некоторым людям, а возможно даже и многим, кажется, что они покидают обжитые места не в погоне за впечатлениями, а по другим причинам. Например, увидеть что-то новое, познать нечто новое, сменить обстановку, отдохнуть от близких, просто позагорать на пляже под палящим солнцем или покорить горные вершины. Все эти кажущиеся влечения на самом деле подстегиваются впечатлениями, а точнее – их отсутствием в местах постоянного пребывания.

Человек жаждет нового не потому, что новое хорошо, благородно или добродетельно, а именно потому, что он перестает впечатляться окружающей его действительностью. Отсюда и это стремление. Действительно, если хочется быть загорелыми, то можно сходить в солярий. Это будет стоить гораздо дешевле, чем лететь за загаром в дальние страны. Если же хочется отдохнуть от близких, сменить обстановку или увидеть нечто новое, то это можно сделать и вовсе непритязательным образом. Для этого достаточно отъехать на 20—30 километров в лесной массив с речкой или озером и там отдохнуть от людской суеты и увидеть постоянно меняющиеся декорации живой природы.

Желание увидеть новое, услышать новое, вкусить новое, ощутить новое трепетом своего тела и познать новое – это потребность чувственных органов в насыщении; это и есть «стремление впечатлиться». Восторженным, радостным или ужасным чувством, – здесь все равно, – но именно впечатлиться.

На том основании, какими именно чувствами собирается насытиться турист, путешественник или просто скиталец: расслабляющие тело, возбуждающие страсти, насыщающие сознание – на этом основании человек планирует и разделяет свои, так называемые, отдых и досуг. Часто случается, что человек просто не осознает, чем влечется и от чего, так сказать, желает отдохнуть. Он слабо разбирается, к чему толкают его чувства, но ему кажется, что он сам делает рациональный выбор. Создается иллюзия, что он свободен в выборе, хотя... выбор предreshен.

Выбор предопределен сначала услышанным, что есть места, где человек мог бы быть. Там он мог бы увидеть нечто, чего еще не видел, чего еще не пробовал на вкус, и даже чего еще никогда не чувствовал в своем теле.

Там прекрасные архитектурные здания. Там люди улыбающейся доброй нации. Там морские берега с зеленеющей гладью. Там пляжи с белыми песками и нежным, ласкающим слух прибоем. Там запахи моря и кокоса. Там вкусы кухни, дурманные сознание. Там нежные руки, ласкающие ваше тело, и даже тела, доводящие ваш организм до редкого сексуального экстаза. Там это... так... вот это... и вот так! О боги страсти, зачем вы так? Умеренность – подавлена, безмятежность – разбита, хладнокровия – как не бывало. Мы куплены! Но нам кажется, что именно мы покупаем путевку или просто билет до мест эдемного счастья. Не мы сами едем туда, куда едем, а наши чувственные потребности ведут нас насильно.

Необходимо заметить, что существуют люди, которые в силу своего характера любят удивлять других своей речью. От этого они впечатляются также сами. Отдых для таких – это возможность перенять что-то новое, якобы со знанием дела. Часто случается, что поездки оказываются серыми и скучными. Но даже в этом случае они находят в своем воображении нечто особенное и неповторимое. Вкус салата, мяса и даже обыкновенного банана, – без преувеличений, – вид никчемной женщины или убогого здания может вселять в них еще не изведенное, не испытанное яркое чувство. Они впечатляют сначала свое воображение, следом пересказыв-

вают это другим, а далее уже начинают полагаться на действительность своего вымышленного впечатления. Такие даже берутся верить, что они есть нечто особенное и неординарное.

Существуют также люди, которые в силу нездоровой привычки любят удивлять других своим видом. Конечно, это вовсе не значит, что они обладают впечатляющей внешностью, зачастую даже наоборот, но это означает лишь то, что им это нравится. Поездка для таких – это потребность в насыщении чужим восторгом. Пусть деланным или даже циничным, не беда, можно притвориться и тешить себя мыслью, что все взаправду. В дальнейшем они даже пересказывают натуральное, как будто, восхищение другими, и тем самым делятся своими впечатлениями.

Что должен понимать турист или путешественник, отправляясь в странствование? Он должен четко осознавать: каких именно впечатлений он хочет набраться? каким образом он будет удовлетворять свои потребности? где, в каких местах и заведениях он сумеет это сделать? и какого труда ему это будет стоить? А то ведь, знаете, случается, приедут туда, не зная куда, чтобы увидеть то, не зная что. А после приезда начинают рассуждать: а я думал, думала; а он, она мне сказали, рассказали; да я, да мы, вообще... это... как его...

Бывает, что выясняется только после прибытия несовместимость интересов приехавших в группе людей и различное отношение к увлечениям каждого. То есть люди должны понимать первостепенное: с кем они едут, для чего и что из этого может выйти.

* * *

Позвольте мне, уважаемый читатель, прокатить вас в места, в которых почти каждый из вас найдет себе нужное удовлетворение и почти каждый сумеет, с моей помощью, избежать впечатлений, приводящих к разочарованиям и даже бедам. Позвольте мне рассеять мифы и показать реальность. Позвольте мне усадить вас в лайнер, в котором каждый из вас сумеет занять привычное или желанное для него место в экономе или бизнес классе. Позвольте мне после успешного взлета – другого и быть не могло, – накормить вас питательной или диетической, но очень вкусной едой, напоить кофе, чаем, вином, шампанским, но именно тем, что вам по душе и вкусу, и затем погрузить в сон.

Летим. Полет нормальный. На спящих лицах слабые улыбки довольства. Тела расслаблены в комфортных креслах. Испытывается покойное состояние души.

Куда летим, друзья мои? Что желаем познать или увидеть? Архитектуру строений или музейные экспонаты? Если ехать за архитектурным стилем, то в наш век все еще можно в Штаты. Прошлоговековой лидер экономического прогресса пока обладает модным, притягательным шиком. Хотя позиции уступаются. Мода стилей, высот, объемов и классов инженерии – это преходящее, временное явление, и оно уже находит других лидеров.

Приезжающие в Америку туристами или на постоянное местожительство должны четко понимать абстрактное, а потому флиртное понятие, пропагандируемой там свободы. Они должны также видеть возможную и потенциальную опасность в термине *свобода*. Например, *свободный* доступ к покупке огнестрельного оружия. Еще хуже – нагнетание страстей, в которых почти каждый житель желает воспользоваться свободным правом и купить себе ствол. В ущерб спокойствию и порядку. Страна, в которой, в среднем, на каждого жителя приходится по одному стволу, то есть где каждый имеет потенциальное право обладания смертоносной игрушкой, грозит тем, что люди начнут ими играть. Действительно, любой приобретенный предмет изготовлен для того, чтобы им пользовались по назначению. Автомобили – чтобы на них ездили. Сковородки – чтобы на них жарили. Кровати – чтобы на них спали. Каково же назначение нарезного или гладкоствольного? Взрастить жизнь? То-то и оно. От того и зарождаются искры, грозящие перейти в стихийное огненное бедствие. Массовые убийства в парках отдыха, торговых центрах, кинотеатрах, институтах и даже в средних школах. Бороться «правом свободного выбора» с подобными бедствиями – откровенная нелепость. Оттого ответственные за порядок лица не знают, что сказать в оправдание и несут чушь. Правда же та, что полиция не в силах вести борьбу с явлениями неожиданных массовых расстрелов безоружных мирных граждан.

Но оставим в покое Америку. Сказанное вовсе не означает, что наш лайнер там не приземлится. В нашем путешествии все возможно. К тому же нарекания заслуживает система Американского социального правления, а не единичные граждане. А люди... там такие же люди, как и в любом уголке мира. Пусть с западным восприятием и сознанием, но мне хочется верить, в большинстве своем – душевные, добрые люди, а в подтверждение тому – мои личные знакомые американцы, не заслуживающие критики.

Так куда же летим? Не в музеи ли мира? Не хотим ли познать древнюю архитектуру Египта, Греции, Рима? Или вас привлекает современная инженерия со свойственной времени стилем и высотой? Если так, то в набирающий обороты Китай или арабский мир впечатлений, а главным образом – в Эмираты. Если же в музеи, то... нет, нет, не в Германию, Италию или французский Лувр. А что вы хотели увидеть в Лувре? Друзья мои, помпезность, с которой представляется Лувр и его недра – это показная манера представить излишки былой роскоши. Именно из-за этой показухи нагнетаются страсти до того, что люди ожидают увидеть там действительно нечто необычное. Азарт как пар из пробитого воздушного шара выходит из посетителей, как только они осознают, что сказанное в отношении экспонатов, помещений и стиля – это лишь блестящие слова и выражения, которые вовсе не оправдывают ожиданий. А этим, я обязан заметить, серьезно подрываются впечатления! Начинаешь понимать, что услышанные восхваления исходят от самих французов и лиц, продающих путевки.

Мона Лиза за бронированным стеклом, эта знаменитая во всем мире дама выдающегося, неповторимого, гениального, – добавьте от себя что-то еще, – портретиста, кажется дурнее второсортной копии. (И это понятно. Каждый художник, как бы то ни было, сохраняет в своих работах неповторимые его личному естеству представления о красоте и действительности. Это отражается в виде едва уловимых флюидов, лежащих на холст. Ведь портретист – это человек и он, как бы ни старался, не может не внести в копию своего личного и современного понимания красоты; в противном случае он перестанет быть одушевленным и превратится в копировальную машину). Вы присматриваетесь к ней и начинаете различать глупость в ее выражении. Так, что даже становится смешно! Хочется оглядеться по сторонам, чтобы убедиться, не испытывает ли кто-то из посетителей аналогичных чувств, чтобы после этого извинительно и дружно с ним расхохотаться. В сознание врезается определение, что эта дама, – если она еще и дама, – обыкновенная необразованная, совсем не умная доярка, привыкшая к монотонному труду и усидчивости. Кажется также, что она спокойна и усидчива именно потому, что совсем, совсем не умна. От того и пикантная, но абсолютно не застенчивая, а *позвожительная* улыбка.

Если уж и лететь за музейными впечатлениями, то в Россию. О нет, нет. Пожалуйста, не думайте, что я не знаю, что говорю или говорю так, потому что я русский. Я отдаю отчет своим словам, я понимаю, что пишу и... я не русский. Если в Москве, столице России, во многих государственных музеях вы сумеете увидеть много интересного и мало понятного, – будет различаться евро-азиатская историческая философия народа, – то в Санкт-Петербурге вы ощутите бум восторгов. Санкт-Петербург – это не просто бывшая столица империи, это – центр неповторимых исторических памятников архитектуры, культуры и живописи. Сами россияне называют этот город кратким, звонким словом – Питер. Научить иностранца, особенно англосакса, правильно произносить название города, где «и», на которое приходится еще ударение, переходит в каткое «е», со звонким и совсем не протяжным «р» на конце, требует труда или даже неоправданных мучений. Лучший способ научиться русскому произношению – это нанять репетиторшу с русским именем. Изображая дикую кошку, она может устроить класс лингвистики. Рыча как тигрица, скалясь и пуская коготки практиковать rrrr... rrrr...

– Лллл... лллл... – будет слышаться от студента.

– Редька. Тигрище, скажи редька.

– Ледькаа, говолит теклищаа, – не сможет избежать такой акцента.

– Дурак, говори редька, редька.

– Дулак говолит ледькаа.

Но оставим на время зарождение интимных тонов. Мы их еще коснемся, потому что интим – это постель, а постель – атрибут толкового отдыха. Сейчас же несколько слов о российском городе на Неве.

Царское село, Петергоф и неповторимый, уникальный Эрмитаж не оставят впечатлений только у черствых, глупых или больных людей. Как скоро человек здоров душевно и интеллектуально, то так же сразу он начинает не только осознавать, но и проникновенно чувствовать эти неповторимость и уникальность.

Если Лувр и его окрестности рассмотреть как древнее одеяние, в которое облачались когда-то люди то первое, что бросается в глаза – это громоздкость, торжественность и показушность. Все шикарно, дорого, богато, но непрактично. Вы понимаете, что носить такой костюм будет стоить невероятных усилий. Он будет где-то жать, а где-то болтаться без дела. В общем, будет неноский. Эрмитаж, с другой стороны, это такое платье, которое почти каждый желает потрогать и почти каждый мысленно примеряет на себя. Эрмитаж – это творение, в которое хочется облачиться и в котором хочется остаться. И это желание не просто «хочу», оно закрепляется в глубинах подсознания образами и чувствами.

Архитектура Эрмитажа, отдельно от нее живопись и все это вместе поражают пониманием факта, что вы ожидали увидеть совсем не такое и ощутить совсем не то. Посетители, рассматривая картины, часто удивляются обилию знаменитостей и их неповторимым работам. Но более их цепляет, – если, конечно, они не гурманы или профессионалы в искусстве, – то, что завораживают вещи, о которых они не знали и работы живописцев, чьих имен они даже не слышали. Экскурсоводам и зрителям часто приходится выводить посетителей из гипнотического транса. И это понятно. Хочется слиться с персонажами и раствориться в палитре красок. Понимается сила. Мощь. Хочется приехать еще и снова, чтобы ощутить трудноповторимое и редкоподобное.

Но – мы летим. Полет нормальный. Приземлится ли наш лайнер в России? А мы сейчас узнаем.

Представьте, что вас будят. Стюардесса или стюард говорит, что подлетаем. Уже?! – удивляетесь вы. Вы потягиваетесь в кресле и даете снять с себя мягкое одеяло, которым были накрыты предусмотрительным добрым стафом. Вам помогают привести кресло в исходное положение и пристегнуть ремни безопасности. Вы не можете понять, сколько летели. Границы времени стерты. Вам кажется, что вы только задремали или, наоборот, проспали около восьми

часов, но чувствуете вы себя превосходно. Нет чувства немытости тела или неловкости из-за гнилого дыхания. Вы все еще ощущаете вкус съестного: выпитого кофе, коньяка, съеденного десерта и другого. Все это вкусы удовольствия пищи и полетом.

– Простите. Куда мы прилетели? – спрашиваете вы у стюардессы.

Но то ли ваши слова, как звуки, не долетают до нее, то ли она не слышит, то ли... растворяется как лишний объект. Вы понимаете, что это все образы. Проявляющиеся и исчезающие образы и от этого вам именно покойно, а не наоборот. Вы оглядываетесь на других пассажиров и видите, что их, как и вас, не беспокоит вопрос места прибытия. Все улыбаются в предвкушении восторгов. Все присутствующие лица милы для вас. Если же появляются недовольные или нежеланные рожи, то они каким-то мистическим образом размываются или лопаются подобно мыльным пузырям, а на их месте появляется, – Оо! Вау! – именно то, что вам в радость. И они говорят то, что вам хотелось бы от них услышать. Они двигаются, жестикулируют и проявляют себя в отношении вас самым изысканным, желанным для вас образом. Вы вскидываете брови и думаете: вот это полет!

Снижаемся. Еще ниже. Уже видны сигналы посадочной полосы. Почти, почти. Тем, кто переживает за посадку, позволительно сжать, только немного, подлокотник кресла либо со всей силой сдавить ладонь прекрасной спутницы так, чтобы у нее затрещали пальцы. Не беспокойтесь, в любом случае она будет довольно улыбаться, смотря на вас с любовью.

Вот турбины стихли, колеса скрипнули, касаясь полосы, лайнер очень плавно встал на шасси и, приводя судно к остановке, загудел турбинами двойной силой. Вас едва заметно потянуло вперед силой инерции и снова расслабило в кресле.

Слышали ли вы посторонние звуки? Нет, не те, что исходят от испорченного механизма, а те, что исходят от людей. Вообще ничего? Никто не рукоплескал и не выражал радость прилета восклицаниями?

Когда я впервые прилетел в Турцию, Стамбул встретил меня самым неожиданным, экстраординарным образом. Тогда я летел с валютой третьих стран, которая была не в ходу. После успешных гастролей необходимо было разменять эти яркие фантики на ходовой американский доллар. Турция в этом плане встретила очень гостеприимно и позволила обменять все по весьма неплохому курсу. Впоследствии эта страна выручала ни один раз. Так вот, как только самолет снизился и уверенно встал на посадочную полосу аэропорта, то так же сразу салон судна наполнился аплодисментами. Люди хлопали в ладоши и выражали радость успешного приземления блестящими взглядами и звуками облегчения, подобным «ууф».

Я не был напуган овациями, а лишь немного встревожен. Когда же огляделся по сторонам и понял, что это не конец театрального действия, то мои руки непроизвольно развелись в жесте недоумения. Я не мог понять, чего они опасались, что ожидали и чему радовались. Был ли это восторг оттого, что их все-таки не вырвало и они не залили блевотиной себя и соседних пассажиров? Или они радовались тому, что самолет плавно сел, а не рухнул вертикально, ломая им позвоночники? Или они полагали, что у самолета могло подломиться шасси и он бы упал на брюхо, а они при этом прорвали бы своими ягодицами упругие авиационные кресла и их кишки вывалились бы через задний проход, рассеяв их содержимое по всему салону? Я не знаю. Я откровенно недоумевал, к чему такие ликования.

Приземление турецкого лайнера дома я встретил более впечатлительно. Тогда я летел в носовой части корабля и заметил, что овации, как волна, зародились в хвостовой части и достигли пика, когда большинство пассажиров к ним подключилось. Захотелось встать и воскликнуть: Перестаньте сейчас же! Что вы делаете?! Вы же пилотов напугаете таким хлопковым актом. А что, если капитан занервничает из-за вас и не вырулит? А что, если самолет пойдет боковым юзом? А?! Что тогда? Мне захотелось воскликнуть также, что человек отличается от приматов умением держать свои эмоции при себе, а не выражать их без надобности необузданным образом. Хотел, но не сделал. Мое внимание привлек солидный господин, молотящий

в ладоши как помешанный. В его жестах было много одержимого. Он гримасничал, блеснул глазами и двигал ртом. Мне показалось, что я как будто, а может, и действительно, уловил в движении его губ слова «бисмилла, рахман» и «рахим». Но он никого и ничего перед собой не видел.

Для меня это явление тогда стало примечательным потому, что я совсем не ожидал от него таких действий. Кто угодно, но не он, думал я, усаживаясь до взлета почти рядом с ним.

Я помню, что даже пытался создать для себя портрет, характеризующий этого человека. Интеллигент, думал я. По крайней мере, занимающийся интеллектуальным трудом. Его можно было бы принять за университетского лектора, если бы не дорогой костюм. Но, возможно, он летел на научный семинар, кто его знает. Спокойный, с ясным пронизательным аналитическим взглядом. Не турок. Вряд ли даже курд. Скорее, европеец, долго проживший в Турции. Это узнавалось в едва заметных движениях, определяющих влияние османской культуры.

Я был рад, что не надел шерстяной костюм-тройку, а облачился в черные джинсы, шерстяной свитерочек и кожаный пиджак. Это дало мне возможность избежать с ним разговоров. Ведь принимают по одежде. И, знаете, познакомишься с человеком, создашь себе положительный образ, а через несколько часов совсем неожиданно выяснится, что это обыкновенный лунатик, не умеющий владеть ни собой, ни своими эмоциями.

В итоге, дорогие друзья, поскольку в нашем лайнере не было слышно аплодисментов, то методом исключения мы определяем, что приземлились мы где угодно, но не в Турции.

Но где? Излишне спрашивать у летного персонала и других пассажиров. Все знают не больше, чем вы, а если знают, то помалкивают. Но, опять же, не для того, чтобы все время молчать, а воскликнуть в подходящий момент: я так и знал (а).

Самолет остановился. Турбины стихли. Объявляют место прилета и температуру за бортом. Все это понятно. Но не понятно точно, что это за место и какая именно температура – по Цельсию или Фаренгейту? Вы соображаете, что это снова образы и вам придется самим определять государство, в которое прибыли.

Подали трап. Начинается выход. Но как скоро вы вышли из корабля и встали на трап, то так же сразу время перестало нести свое значение и выполнять свои функции. Замерло все, исключая вас. Застыли идущие за вами по салону пассажиры и улыбающаяся стюардесса с вытянутой, указывающей вам направление рукой. Вы понимаете, что трап – это то место, с которого придется определить страну, в которую прилетели. Но как? Вы пытаетесь разглядеть аэропорт, посадочную полосу, транспорт и других людей, но ничего не видите. Все белое. Видны лишь застывшие пассажиры и самолет. Остальное – это белое яркое полотно. Такое яркое, что слепит глаза. Сначала вы жмуритесь, а после закрываете глаза и начинаете искать

в своем сознании, какие угодно, но не видимые образы. Не в силах различить значение звуков на слух, вы начинаете, тем не менее, различать запахи. Конечно, ведь каждый международный аэропорт – это скопление неповторимых запахов, присущих местным людям, их традициям и самому географическому региону. Вы тянете носом.

Чувствуются ли запахи? Такие, которые наличествуют в Парижском аэропорту и которые действуют на сознание вопросом: что это? На них французы отвечают просто:

– Ааа. Это аромат чистящих средств!

– Нет, нет. Что-то еще, помимо... Что-то... это вроде... Точно! Запах мочи, – возражает проницательный.

На что французы тоже возражают:

– Ооу, ню, ню! Что вю! Это запах аммиака. Он наличествует в чистящих ароматных средствах.

Милые, лоснящие слух звуки французского языка подкупают так, что хочется отказаться от правдивых слов и сказать, что это шутка. Язык неповторим. Даже когда французы ругаются, говорят грубости или матерятся, кажется, что они говорят о любви. Но, тем не менее, похоже, что именно в чистящие средства с большим содержанием аммиака добавили аромат, а не наоборот. Это легкий, но роднимый запах загаженных подворотен и проулков. Если вы забыли о нем, то он напомнит о себе сразу, если вы отдалитесь на несколько километров от центра Парижа. Не только по духу, но и по виду будет казаться, что вы в африканском селенье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.